

Монах Лазарь
(Афанасьев)

ТОРЖЕСТВУЮЩИЙ ДУХ

Торжествующий дух

«Благовест»

2011

Торжествующий дух / «Благовест», 2011

Альманах посвящен жизни и духовным подвигам святых мучеников за Христа – членов царствовавшего в Российской Империи Дома Романовых. Это Государь-страстотерпец Император Николай II и его Семья – Царица Александра Феодоровна, дочери Ольга, Мария, Татиана и Анастасия и Цесаревич Алексей Николаевич (которому посвящен обширный документальный материал). Затем – Великий Князь Константин Константинович (поэт К. Р.) и его сыновья – князь Олег, отдавший жизнь за Россию на войне 1914 года, князья Иоанн, Константин и Игорь, мученически погибшие в Алапаевской шахте вместе с Великой Княгиней Елисаветой Феодоровной, Великим Князем Сергием Михайловичем, Князем Владимиром Палеем и другими. Это были истинные патриоты своей Родины, верные Христу чада Православной Церкви, люди высочайшей культуры. Составитель и основной автор альманаха монах Лазарь (Афанасьев) – один из старейших современных писателей, автор многих книг, стихов и прозы. Последние десятилетия он трудится, в основном, над духовными темами.

, 2011

© Благовест, 2011

Содержание

Предисловие	5
Часть первая	6
Два портрета царственных отроков	6
1. Святой мученик Царевич Димитрий	6
2. Святой мученик Царевич Алексей	8
Тобольск	9
Благословенная Оптина	10
«К. Р.» – Поэт Божией милостью	15
1	15
2	19
Севастиан-мученик	26
Посвящение	26
Часть первая	26
Часть вторая	36
К. Р. в 1909–1910 годах	42
Осташево	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Автор-составитель: монах Лазарь (Афанасьев) Торжествующий дух. Альманах

Предисловие

Альманах «Торжествующий дух» сложился как бы сам собой. Я много писал – и в стихах и в прозе – о святых Царственных страстотерпцах. И вот легли рядом, дополняя друг друга, впервые собранная документальная история жизни Цесаревича Алексея (созданная в сотрудничестве с С. В. Лизуновым), очерк об Алапаевских мучениках, житие Князя Олега Романова и много объясняющий возникновение таких великих и прекрасных личностей, как дети К. Р., рассказ в нескольких очерках о жизни и творчестве их родителя – православного поэта, отдавшего все силы служению Родине, Великого Князя Константина Романова. Во всех материалах альманаха содержится много нового, в особенности разных красноречивых подробностей. Когда мы говорим о Царственных мучениках, – это ведь не только семья самого Царя – это представители большой семьи Царствующего Дома Романовых. Сюда входят герои-мученики сыновья К. Р.: Иоанн, Константин, Игорь, а также и Олег, погибший на Первой Мировой войне. Надеюсь, что из написанного видно, что их мученический подвиг – не внезапное героичество (хотя бывает и так), а итог их глубоко православной жизни. Они во многом подражали отцу. А что говорить о Великой Княгине Елисавете Феодоровне? О ней написано немало, и кто нынче ее не знает? Это святая жизнь и святая смерть. Князь Владимир Палей – также из семьи Романовых, и также готов был отдать свою жизнь и на Первой Мировой, где воевали все сыновья К. Р., – и за Господа нашего Иисуса Христа. Он знал наперед, что грядут страшные события, – это видно из его стихов.

Царская семья Романовых была многожды оболгана, не исключая Царя-страстотерпца Николая II. Но теперь уже опубликовано огромное количество документальных материалов, опровергающих всю ложь. Этому же служат и материалы нашего альманаха.

*Монах Лазарь (Афанасьев)
г. Сергиев Посад*

Часть первая Жертва Богу

Два портрета царственных отроков

Эти отроки – оба святые мученики. Царевич Димитрий, младший сын первого помазанного на царство Царя Иоанна Грозного, пал жертвой интриг царедворцев, в первую очередь Бориса Годунова. Царевич Алексей был убит в Екатеринбурге большевиками вместе со всей Царственной Семьей, вместе с родителем – последним русским Царем Николаем Александровичем.

1. Святой мученик Царевич Димитрий

У истоков великих, а иногда и страшных событий русской истории не всегда стоят имена взрослых, умудренных жизнью людей. В истории Руси есть, например, один очень важный период, называемый Смутным временем, когда государство едва не погибло. Говорили и писали тогда и потом, что это была кара – Божья кара за убийство Царственного Отрока.

Он был сыном Царя Иоанна Грозного от Царицы Марии Нагой. В царствование другого, старшего, сына Царя Иоанна – Феодора – под давлением бояр, и особенно Бориса Годунова, вся большая семья бояр Нагих, а с ними и Царица Мария с сыном, отправлены были на житье в город Углич на Волге – это была вотчина Царевича Димитрия. Зачем это было сделано? Царь Федор Иоаннович, глубоко религиозный человек, был полностью поглощен молитвенным деланием и вел строго монашескую жизнь. Управление же делами государства он доверил боярину Борису Годунову. Тот, однако, имел тайные честолюбивые помыслы: самому стать Царем. А как станешь при живом На след нике Феодора – Царевиче Димитрии, которому было тогда всего около восьми лет?

Многие из приближенных Годунова знали силу его честолюбия, его упорство, хитрость и другие «сильные» качества, а потому и предполагали, что он именно хочет стать Царем. Царь Федор болен, детей не имеет. Царевич... Вот помеха! При молчаливом попустительстве Годунова началась вражья работа: вдруг Царевич оказался отравленным, – однако не умер, ему вовремя помогли. А потом то же самое и в другой раз. Нагие стали пристальнее присматривать за Димитрием и за всем, что его окружало... Но негодяи перехитрили их.

О том, что произошло в Угличе 15 мая 1591 года, писал очевидец событий: «Царевич пошел к обедне, и после Евангелия у старцев Кириллова монастыря образа принял, и после обедни пришел к себе в хоромы и платье переменял; и в ту пору с кушаньем взошли и скатерть постлали, и Вогородицын хлебец (просфору) священник вынул; и кушал Государь Царевич по единожды днем, а обычай у него, Государя, был таков: по вся дни причащаться хлебу Богородичну... и, испивши, пошел с кормилицею погуляти; и в седьмой час дня, как будет Царевич против церкви Царя Константина, и по повелению изменника злодея Бориса Годунова, приспевши душегубцы ненавистники Царскому кореню Никитка Качалов да Данилка Битяговский кормилицу его палицею ушибли, и она, обмртва, пала на землю, и ему Государю Царевичу в ту пору, кинувшись, перерезали горло ножом, а сами злодеи-душегубцы вскричали великим гласом, и, услыша шум, Мати его Государя Царевича и Великая Княгиня Мария Феодоровна прибегла и, видя Царевича мертва взяла тело его в руки, и они, душегубцы, стоят над телом Государя Царевича и обмртвали, аки псы безгласны».

Царица Мария велела ударить в набат. Сбежавшиеся угличане схватили убийц и буквально растерзали их на клочки. Но вот что было дальше. Годунов прислал для следствия боярина Василия Шуйского, и тот вынужден был все повернуть так, что Царевич-де зарезался сам, играючи в ножик. С Царевичем случались ранее приступы падучей. Это вспомнили и обрисовали дело так, что во время игры с ним случился приступ, он упал – да прямо горлом на нож... Неправдоподобность такого объяснения была очевидна всем. Но найдены были «свидетели». После всего этого последовало нечто страшное и жестокое. Город Углич был наказан за «бунт»! Угличан кого казнили, кого сослали в северные края. Был сослан даже колокол, в который ударили тревогу. Марию Нагую и всех ее родственников также сослали, причем многих пытали, заставляя лгать на себя.

Василий Шуйский, сделавший все это в угоду действительно ставшему Царем Годунову, все же был не совсем испорченным человеком. Увидев тело убитого Царевича, он плакал и от души скорбел. Он же потом, когда погибло все семейство Годуновых и прогнан был первый Лжедмитрий из Москвы, сам стал Царем и приказал привезти из Углича тело Царевича, которое оказалось нетленным. Царевич был канонизирован в лике святых. Но Смута продолжалась. После первого Лжедмитрия появился второй, потом третий – и то не последний... На Русь с ними шли литовцы и поляки. Запылали села и города. По всей Руси бродили банды, которые жгли, грабили, разрушали, оскверняли... Казалось, Русь погибает! Историк пишет: «Царь Василий низвержен. Чужеземцы овладевают столицей, рвут по частям землю русскую. Только на краю гибели народ опомнился: он стряхивает с себя бремя лжи и самообольщения, собирает последние силы...» Русь воззвала к Богу! И Он услышал. Явились на Волге Минин и Пожарский с войском. С иконами преподобного Макария Унженского на знаменах они двинулись на Москву. Казаки и ополченцы собирались со всех сторон... После долгих и трудных сражений поляки были изгнаны. Собор всех сословий из всех русских городов избрал Царем Михаила Феодоровича Романова, юного представителя рода, который жестоко пострадал от Годунова. В Костроме, в Ипатьевском монастыре, после долгих раздумий принял он жезл Государя. Смута кончилась. Россия начала быстро возрождаться, превращаясь в сильное государство.

Убиенного святого Царевича не забывали. К его мощам, особенно в дни его памяти – 15 и 23 мая, а также 3 июня по старому стилю – шло множество людей. Возле его раки истово молились, прося у Господа помощи через него во всяких бедах, и святой Царевич помогал. При мощах хранились вещи Царственного Мученика – окровавленная рубашка, платок, нож, которым он был убит, и кошелек с четырнадцатью копейками для раздачи нищим. Ему молились более всего об исцелении от разных болезней детей.

А в Угличе, на другой день памяти святого Царевича, то есть 16 мая, в последующие века проводился «Царевичев день» – праздник детей, которые собирались в Кремль со всего города и из окрестных деревень. Вокруг храма, построенного по повелению первого Царя из рода Романовых Михаила Феодоровича «на крови», после богослужения обносилась плащаница с изображением убиенного отрока, вышитая его Матерью, Царицей Марией Феодоровной. На пути следования хода женщины подводили под плащаницу своих детей, особенно больных, и было много случаев исцеления их. Кремлевская площадь была вся уставлена палатками с игрушками и сладями. Отсюда – ведь Кремль в Угличе стоит на высоком берегу – видна широкая Волга и дали за нею, а там – селения с церквями, леса и луга... Дети всегда ждали этого праздника, и святой Царевич был для них близким и родным, – они охотно молились ему.

Просите, дети, его заступничества перед Господом во всех ваших затруднениях – он услышит искреннюю молитву!

2. Святой мученик Царевич Алексей

Вот лишь некоторые штрихи к его портрету. Все мемуаристы отмечают, что Царские дети, среди них и Царевич Алексей, были горячими патриотами: они любили Россию и всё русское. Царевич не гордился тем, что он На след ник Престола, и, как всякий отрок, играл с детьми простых людей, в частности приставленного к нему «дядьки» – матроса Деревеньки. Он говорил: «Когда я буду Царем, не будет бедных и несчастных. Я хочу, чтобы все были счастливы».

Его любимой пищей были щи, каша и черный хлеб, которые, как он говорил, «едят все мои солдаты». Ежедневно приносили ему пробу из солдатской кухни дворцовой охраны. Он все съедал и даже облизывал ложку, замечая: «Вот это вкусно, не то что наш обед!» Иногда, почти ничего не кушая за царским столом, он тихонько пробирался со своей собакой Джоем к окнам дворцовой кухни и, постучав в стекло, просил у поваров ломоть черного хлеба, который и делил тут же со своей собакой.

Когда он с Царской Семьей плывал на яхте «Штандарт», то всегда играл с юнгами. Как вспоминали, «он всегда привлекал всех мягкостью, ласковостью, внимательным отношением». Дома, в Царксельском дворце, в свободное от занятий с учителями время, он ездил в саду в санках, запряженных осликом, строил снежные башни, летом пек картошку в костре, рубил сухие сучья, а весной вместе с Царем, любившим это занятие, колот лед. Во время войны 1914–1917 годов он часто посещал раненых в госпиталях, устроенных Царицей и его сестрами. Были госпитали и санитарные поезда его имени – он бывал и здесь. Он любил расспрашивать раненых о войне, очень внимательно слушал.

Он подолгу жил в Ставке Главно командующего, которым был сам Царь. Царевич жил с отцом в одной комнате и спал рядом с ним на походной кровати. Ему случалось быть на смотрях полков, идущих воевать, в походных лазаретах и даже в окопах, совсем близко от передовой. Как и отец, он носил военное обмундирование – шинель, фуражку, простые сапоги. Он имел и военное звание ефрейтора. Солдаты всегда встречали его с восторгом. Где бы ни появился среди войск Государь, рядом с ним всегда был стройненький маленький солдатик – Царевич Алексей.

Вместе с отцом он посещал церковные службы: как и все члены Семьи, он был верующим и верным Богу и Церкви православным человеком. Перед принятием Св. Причастия он поворачивался к молящимся и кланялся, доставая рукой до пола: «Простите меня!» В его комнате в Царском Селе было много икон и духовных книг. Конечно, были у него и игрушки, среди них такая роскошная и новая по тому времени, как железная дорога – пути, поезд с вагонами, станции, – работавшая от электричества. Государь или учитель русской литературы Петров часто читали детям вслух произведения русской литературной классики: Пушкина, Тургенева, Гончарова, Короленко, Чехова.

Одна близкая ко Двору женщина так описывает Царевича (это относится к 1916 году): «Все выразительнее и сосредоточеннее становилось его благородное лицо, детская округлость его щек исчезала, черты лица его становились тоньше и прекраснее, глаза все глубже и грустнее... Цесаревич становился юношей». Да, глаза его становились «грустнее», так как он как бы предчувствовал грядущие беды. Весной 1917 года изменники-генералы вместе с изменниками-министрами, давно уже развращенные пропагандой устроения «новой» России, республиканской на западный манер и без Царя, добились отречения Государя от Престола, а затем арестовали его и всю Семью с верными им слугами в их доме – Царскосельском дворце, выставив всюду враждебную им охрану. В России начало хозяйничать Временное правительство. В том же году летом оно сослало Царскую Семью в Тобольск, хотя у Царя было поместье Ливадия в Крыму. Этот поступок Временного правительства в лице его главы Керенского, предателя

России, привел вскоре и к гибели святой Семьи в Екатеринбурге, так как осенью в результате переворота к власти пришли большевики. Царская Семья оказалась в лапах убийц.

В Царскосельском заключении, в Тобольске и Екатеринбурге Царевич Алексей вел себя с большим достоинством, не падая духом, – он даже учился там, а его преподавателями были Царица Мать и Царь Отец. Они твердо переносили все лишения и надругательства. В июне 1918 года Царевич болел, и, когда Семью повели в полуподвальное помещение на расстрел, Государь нес сына на руках. Палач выстрелил в Царевича несколько раз. Страшная весть об этом преступлении чекистов, совершенном по приказу из Кремля, всколыхнула Россию. Трудно было в это поверить. За что? Почему?.. Однако незаконное дело было сделано, и ответственность за него легла на весь народ, так как он не уберет Государя и его Семью, а с нею и Царевича Алексея, своего будущего Царя.

В 1912 году во время болезни Царевич Алексей говорил: «Когда я умру, поставьте мне в парке маленький каменный памятник». Тогда он не умер, как не умер и при других приступах преследовавшей его тяжелой болезни (от каждого незначительного ушиба у него делалось внутреннее кровоизлияние). А после его смерти в Екатеринбурге не осталось не только памятника, но и могилы, так как убийцы пытались замести следы.

Чудным, светлым отроком был На след ник Цесаревич Алексей Николаевич! Он вместе с Царем и Царицей, с Сестрами своими открыл великую страницу в истории Русской Православной Церкви – время тысяч и тысяч новомучеников, пострадавших за Христа и восприявших блистающие венцы от Господа Бога.

В «Кратком житии святого мученика Цесаревича Алексия», приложенном к документам «О соборном прославлении новомучеников и исповедников Российских XX века» (13–16 августа 2000 года), говорится: «Убиение невинного отрока – Наследника Царского престола, завершившее историю русского Царства, обращает наш взор к убиению благоверного царевича Димитрия, причисленного Русской Православной Церковью к лику святых».

Тобольск

Спит Цесаревич... Нет
Света у дочерей...
У Государя свет
Виден из-под дверей.

Письма ли пишет он,
Молится ли он там,
В думу ли погружен, —
Комната эта храм.

И по России враг
В мраке грядущих лет
Не омрачит никак
Тот Государев свет.

Благословенная Оптиная **Великий Князь Константин Константинович** **Романов в Оптиной пустыни в 1887 году**

Настоятель Свято-Введенского монастыря Оптиная пустынь, известного своими прозорливыми старцами, а также изданием святоотеческих писаний (начатого старцем Макарием), архимандрит Исаакий (Антимонов) 7 мая 1887 года получил письмо из Петербурга.

Писал генерал от артиллерии Павел Егорович Кеппен, управляющий двором Великой Княгини Александры Иосифовны, матери Великого Князя Константина Романова (К. Р.).

«Глубокочтимый отец, честнейший архимандрит Исаакий! Имею честь предуведомить Ваше Высокопреподобие, что в пятницу, 8 числа, государь Великий Князь Константин Константинович, если Господь благословит благополучный путь, изволит прибыть к вам в Св. Обитель. Его Императорское Высочество желал бы пробыть под святою сенью Обители до воскресенья утра и предполагает прибыть на лошадях со станции Чернь, а возвратиться через Калугу.

Влекомый в Обитель чувствами душевной потребности, государь Великий Князь желал бы совершить это посещение скромно и сколько возможно избежать обычных встреч и приемов.

Сопровождая государя Великого Князя, буду иметь счастье помолиться в Св. Обители и принять благословение Вашего Высокопреподобия.

Поручая себя молитвам Вашим, прошу принять уверение в моем глубоком почтении и преданности.

Покорный слуга П. Кеппен

4 мая 1887 г.»

К. Р. ехал в Оптину пустынь как бы по следам Жуковского, Гоголя, Киреевского, Достоевского – именно тех больших русских писателей, которые стремились сюда за духовным утешением. Время царствования Императора Александра Третьего – время также и старческой деятельности ученика старца Макария (и одного из его помощников в издании книг для духовного окормления монахов и православных мирян) иеромонаха Амвросия (Гренкова), ставшего известным всей православной России. К нему в Скит Оптиной пустыни за словом утешения, наставления, за благословением и для исповеди стекалось неисчислимое множество людей.

Вот и К. Р., Великий Князь и русский лирический духовный поэт и просто человек, имевший очень значительные внутренние проблемы, постоянно боровшие его, собрался наконец поехать к старцу Амвросию. Грешный, как и все люди, К. Р. в борьбе с бесовскими приражениями приобрел монашескую привычку следить за своими помыслами, за действием «потаенного сердца человека», сокрушаться о своем духовном несовершенстве, считать себя недостойным всех тех благ и талантов, которые дал ему Господь.

Окончательное решение ехать в Оптину К. Р. принял после прочтения книги Константина Леонтьева «Отец Климент Зедергольм, иеромонах Оптиной пустыни», вышедшей вторым изданием в Москве в 1882 году. Леонтьев, один из своеобразнейших писателей своего времени, был духовным чадом старца Амвросия и подолгу жил в Оптиной, а в конце жизни принял от старца и монашеский постриг с именем Климент (в память иеромонаха, героя своей книги). Леонтьев в своей книге очень живо и с теплым чувством описал и Оптину, и Скит, много и умно, с глубоким пониманием рассказал о монашестве и особенно о старчестве – что это такое.

В день св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова, 8 мая, К. Р. прибыл в Оптину. Это был и канун другого праздника – перенесения мощей святителя и чудотворца Николая из Мир Ликийских в Бар. Как сообщается в житии ныне прославленного во святых старца Исаакия

(Антимонова), «встреченный всею братией в Святых воротах Обители, Великий Князь последовал в настоятельские покои, предложенные Его Высочеству о. настоятелем. Был вечер – канун праздника. Вы со кому гостю, по монастырскому обычаю, подан был ужин, к которому приглашался и настоятель. Но последний, по своей простоте, отказался от этой высокой чести, сказав, что он завтра служащий, а в таких случаях не имеет обыкновения ужинать. Так был всегда верен себе старец-игумен».

«Вот она, заветная цель моих стремлений! – пишет К. Р. в дневнике. – Наконец-то сподобил Господь побывать здесь, в этой святой Обители, где, как лампада перед иконой, теплится православная вера, поддерживая в нас дух родного русского благочестия».¹

К. Р. любил церковную службу (и часто в своем дневнике говорил об этом). И здесь, в Оптиной, он стоял во время всенощной, внимательно слушая слова молитв. Он пишет, что с дороги «немного раскис», но «в церкви стоял как следует, с полным вниманием, вытянувшись в струнку». «Бдение окончилось только после полночи, – пишет он. – На дворе совсем стемнело. По окончании богослужения архимандрит повел меня из церкви в свои келии. Двое монахов в черном с длинными свечами в руках шли впереди и светили».

В самый праздник святителя Николая К. Р. посетил «хибарку» старца Амвросия. «Я шел к старцу с волнением, – пишет К. Р. – И вот, переступив через порог небольшого домика с крытым балкончиком, я очутился в маленькой светлой комнате. Старец Амвросий привстал мне навстречу и благословил меня. Нас оставили вдвоем. Он среднего роста, худой, совершенно седой, с добрым лицом и умными пытливыми глазами. Он болен ногами; они у него в серых шерстяных носках; он то вложит ноги в башмаки, то снова их высунет. Ему трудно ходить. Его приветливый вид, опрятность и вся простая обстановка комнатки, книги на полках, цветы на окне, карточки, портреты и картины по стенам производят самое приятное впечатление. Старец скоро заговорил со мною о том, что жена у меня не православная и что мне надо стараться присоединить ее... Затем он говорил мне, что я бы должен сделать что могу, чтобы нижних чинов у нас не кормили скоромною пищею в постные дни... Много я бы еще сказал, поверил ему, но у меня слов не хватило, я терялся в мыслях». На другой день К. Р. приходил в Скит проститься со старцем Амвросием.

Впоследствии К. Р. не раз вспоминал о беседе со старцем Амвросием, а также и соскитона начальником о. Анатолием (Зерцаловым). Он был на молебне в скитском храме св. Иоанна Предтечи и особенно запомнил там икону «Усекновения главы честного славного Пророка» (как называет ее К. Р. в своем письме). Вернувшись в Петербург, он послал в Оптинский Скит хорошей работы дорогую лампаду. «Я бы желал, – писал К. Р. архимандриту Исаакию, – чтобы эта лампада неугасимо теплилась перед святою Иконой, постоянно поддерживая духовное единение, установившееся между вашей обителью и мною со дня нашего первого знакомства» (10. IX. 1887).

Очень рад был К.Р. получить от старца Амвросия благословение для его сына Князя Иоанна – икону Усекновения главы св. Иоанна Предтечи, копию скитской, и при этом письмо. Старец писал: «Ваше Императорское Высочество, Благовернейший Государь, Великий Князь Константин Константинович! Радоваться Вам о Господе и здравствовать со Всем Августейшим Семейством от всей души желаю.

По немощи моей и болезненности после других я, меньший, приношу Вашему Императорскому Высочеству искреннейшее и признательнейшее благодарение за милостивую память и милостивое внимание к худости моей и за присланную в Скит нашу лампаду к иконе Усекновения Главы Великого Пророка и Предтечи и Крестителя Господа Иоанна, главного по Боге и Богородице ходатая о спасении нашем. Сам Господь свидетельствует о нем в Евангелии: Болий в рожденных женами пророка Иоанна Крестителя никтоже есть. И потому более всех святых

---

¹ Оптиные дневники К. Р. Цит. по: ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 31.

он имеет дерзновение к Рожденному от Девы Господу нашему Иисусу Христу ходатайствовать о спасении нашем. Сильные молитвы Предтечи и Крестителя Господня да сохраняют Августейшего сына Вашего Иоанна, как носящего имя, и Ваше Императорское Высочество и все Августейшее Ваше Семейство да ограждают от всех скорбных обстоятельств. В знамение видимого заступления сего Великого Заступника посылаю Вашему Императорскому Высочеству Его икону Усекновения Главы. Неугасимая же теплющаяся лампада пред иконою Великого Предтечи и Крестителя Господня да служит нам, скитским и оптинским обитателям, всегдашним напоминанием незабвенного Вашего пребывания в обители нашей и милостивого внимания к худости нашей.

Призывая на особу Вашего Высочества и на все Августейшее Семейство Ваше мир и благословение Божие, пребываю с глубокопочитанием и верноподданническим чувством Вашего Императорского Высочества недостойный Богомолец, многогрешный *иеросхимонах Амвросий*. 2-го ноября 1887 года. Предтечев Скит при ОП».

Получив письмо старца Амвросия, К.Р. пишет: «И письмо и благословение Ваши я всегда буду свято хранить как знак памяти о незабвенных днях, проведенных в Вашей святой Обители, и о беседах в келии у вас» (31. XII. 1887)². Одновременно была получена К. Р. от архимандрита Исаакия Казанская икона Божией Матери. «Приношу вам горячую и искреннюю благодарность за дорогую мне святую икону Казанской Пресвятой Богородицы, – в тот же день, что и старцу Амвросию, писал К. Р. архимандриту Исаакию. – Дар ваш я по гроб жизни буду хранить и как святыню и как ваше благословение, а детям завещаю по моему примеру беречь присланный вами образ. Благодарю и за добрые строки ваши и за поздравление к празднику Рождества Христова. Я с радостью вижу из ваших писем, что и вы вспоминаете еще дни, составившие мне такую светлую и глубокую память. Пребывание в Оптиной Пустыни я забыть не могу и искренне желал бы в течение жизни еще побывать в вашей святой Обители».

Конечно, К. Р. не мог забыть и того, как оптинцы провожали его – до первой почтовой станции (К. Р. ехал на Белёв). «Архимандрит о. Исаакий, – писал он в дневнике, – хотел проводить меня до первой почтовой станции. Мы ехали с ним вдвоем. В селах и деревнях навстречу выходили крестьяне с хлебом-солью, с иконами: везде радость, восторженные крики «ура», благословения, приветствия; любопытные, ликующие и ласковые лица. Перед каждой избой вместо флагов развевались пестрые бабьи платки. Часа через полтора доехали до почтовой станции. Нежно простились с архимандритом Исаакием и отцом Анатолием».

Перед Пасхой 1888 года К. Р. получил еще письмо от старца Амвросия. После обычного обращения старец пишет:

«Наступающий Светлый Праздник Воскресения Христа Спасителя как бы невольно побуждает меня поздравить Ваше Высочество с сим знаменательным и всерадостным христианским торжеством и пожелать Вам и Всему Августейшему Вашему Семейству встретить и провести радостные дни сии в мире, здравии и утешении духовном.

Пользуясь настоящим случаем, позволяю себе представить при сем на благоусмотрение Вашего Высочества общее праздничное поздравление мое, посланное многим православным для душевной пользы, а Вашему Высочеству с особенною целию, чтобы содержанием того письма напомнить Вашему Высочеству о личной нашей беседе относительно того, какой великий вред душевный приносится чрез то, что простых солдатиков без всякой надобности на службе кормят мясною пищею в постные дни. Солдатики эти (которых теперь по новому положению в каждом семействе два, а иногда три), приходя домой, продолжают нарушать пост уже по привычке, подавая сим дурной пример другим, а чрез это мало-помалу развращается всё Русское простое народонаселение; потому что свойство простого русского человека таково,

---

² ГАРФ. Ф. 660 Оп. 2. Д. 271. Л. 2–3.

что, если он решается волею или неволею нарушать пост, тогда он склонен бывает и на всякое другое зло. А за то и за другое неминуемо должно последовать наказание Божие.

Многие имеют обычай говорить, что нарушение заповеди о пище грех маловажный, забывая, что за одно вкушение запрещенного плода прародители наши были изгнаны из рая.

Всё это пишу Вашему Императорскому Высочеству для того, чтобы Вы в удобное время передали и объяснили кому следует, что нет никакой надобности кормить солдатиков в постные дни мясной пищею, потому что капусту и картофель и постное масло везде можно иметь для солдатиков, и эта растительная пища для них обычна и безгрешна. А кроме сего соблюдение постов во время мира подготовит войско к резким переменам пищи и во время войны, когда часто встречается неожиданный недостаток в ней.

Смиренно прошу Ваше Императорское Высочество простить меня великодушно и за дерзновение сказанного и вместе за невежество, что не принес Вашему Высочеству всеискреннейшего благодарения за милостивое и снисходительное внимание Ваше к моей худости.

Призывая на Ваше Высочество и на Августейшее Семейство Ваше мир и Божие благословение, пребываю с верноподданнической преданностью Вашего Императорского Высочества недостойный Богомолец многогрешный *иеромонах Амвросий*.

Г. Козельск. Оптина Пустынь.

Апреля 1888 года»³

К. Р. отвечал 8 мая:

«Глубокопочтимый отец Амвросий! Откликаюсь на ваше Пасхальное приветствие радостным ответом: воистину Христос воскрес! Примите мою благодарность за милое, доброе письмо и за общее поздравление, которое читал я с вниманием и искреннею признательностью. Слова ваши глубоко запали мне в душу; вы не можете сомневаться в том, что с вашим мнением я согласен совершенно. Рад бы я был, если б мог по вашему совету вывести из употребления в наших православных войсках принятие скоромной пищи в постные дни. Но такая благая мера, к сожалению, не в моей власти; я не только не могу провести ее, но даже лишен возможности повлиять своим мнением на тех, от коих эта мера зависела бы. В оправдание начальства скажу только, что, постановив скоромную пищу и упразднив постную, оно было движимо добрым намерением: думают, что пост мог бы вредно повлиять на состояние здоровья войск. Насколько такое мнение основательно – судить не мне. Нам остается уповать, что ваш взгляд восторжествует над нынешним нежелательным порядком вещей.

Сегодня минул год со дня, как я впервые посетил святую вашу Обитель, а завтра с любовью буду вспоминать часы, к сожалению слишком краткие, год тому назад проведенные в вашей келии. Помолитесь Господу, дабы Он привел меня снова видеть и слышать вас и молиться среди вашей святыни.

Очень прошу вас передать мою сердечную благодарность за поздравительные письма – архимандриту Исаакию и отцу Скитона начальнику. Будьте добры принять от меня вместе с ними недавно отпечатанную стихотворную мою работу; я начал трудиться над ней незадолго перед поездкой в вашу благословенную Пустынь, а окончил только через год, потратив много терпения и труда.

Прошу вас от всей души не оставлять меня дорогими вашими молитвами и не лишать высоко мною ценимого благословения.

Безгранично почитающий вас Константин».

В последующие годы побывают в Оптиной пустыни и сам К. Р., и его дети.

---

³ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 271. Л.4–5.

Из Оптиной пустыни К. Р. и П. Е. Кеппен ехали через Белёв, Лихвин и Калугу. Белёв – родной город В. А. Жуковского, построенный им в молодости дом стоит на крутом берегу Оки. Справа, очень близко, – мощные стены древнего Спасо-Преображенского монастыря. За ним – Крестовоздвиженский женский (окормляемый оптинскими старцами). В городе несколько церквей. Начальная школа, попечителем которой был И. В. Киреевский, главный помощник о. Макария в издании духовных книг, православный философ. Имение Киреевских, Долбино, в семи верстах отсюда. Была в Белёве одна особенная святыня – дом, где в 1826 году скончалась Императрица Елисавета Алексеевна, вдова Императора Александра I Благословенного, двоюродного деда К. Р. В этом доме, бывшем губернаторском, за счет казны был устроен вдовый дом и при нем церковь.

Петербургские синодальные «Церковные Ведомости» (1888, № 11) поместили «Корреспонденцию из города Белёва», где среди церковных событий рассказывается о приезде сюда К. Р.: «Великий Князь при посещении Елизаветинского храма здешнего вдовьего дома, устроенного в память и на месте кончины в Бозе почивающей Императрицы Елисаветы Алексеевны, обратил высокое внимание на скудное положение этого храма и в соучастии с Его Императорским Высочеством Великим Князем Сергием Александровичем пожертвовал в него полное священническое, диаконское и псаломщическое серебряное, с голубым бархатом крестов облачение и такие же одежда и покровы на Престол, жертвенник и аналогии. Пример Высоких Особ не замедлил вызвать подражание в местных жителях, от коих поступили пожертвования двух полных облачений и бронзовой люстры. Великий Князь также обратил внимание на скудное содержание священно-церковнослужителей вдовьего дома, и уже изыскиваются способы к улучшению положения бедствующего причта вдовьего дома».

«К. Р.» – Поэт Божией милостью Великий Князь Константин Константинович Романов и его место в литературе второй половины XIX века

1

В июле 1886 года вышла в свет первая книга Августейшего поэта: «Стихотворения К. Р.», СПб. (дозволено цензурою 12 мая 1886 года), 223 страницы, тираж одна тысяча экземпляров. Сборник предназначался не для продажи, а для раздачи кому придется, в первую очередь родственникам и друзьям. 26 июля К. Р. записал в дневнике: «Из Государственной типографии прислали два первых экземпляра моих стихотворений, всю тысячу пришлют на днях». Вскоре он начал дарить книгу. Он послал ее литераторам – поэтам, писателям, критикам: Н. Н. Страхову, А. Н. Майкову, И. А. Гончарову, А. А. Фету, А. Н. Апухтину, послал и П. И. Чайковскому, и еще многим. Конечно, сборник попал в руки и газетно-журнальным критикам. К. Р. ожидал не похвал, а дельных замечаний.

Отклик Апухтина пришел на мызу Смерди в августе. К. Р. записал в дневнике 23. VIII: «Мой письменный столик стоит на том же месте, как в прошлом году; на нем в порядке расставлены вещи, которые я всюду вожу с собою... Налево четыре книжки: стихотворения Лермонтова, Пушкина, «Жемчужины русской поэзии» и «Но вый Завет». Серебряная чернильница кубиком, две свечи в медных подсвечниках, маленький барометр-анероид, печать с ручкой из пурпурина, часики, два портрета жены в складной рамке, катушка для пропускной бумаги с нефритовой ручкой. Тетради для записывания стихов и писем, вот эта книга для дневника и маленькая записная книжка в красном кожаном переплете... тоже для записывания стихов. Списываю письмо поэта Апухтина, которое получил в воскресенье.

Ваше Высочество!
Ваш благосклонный
Дар получил я вчера.
Он одиночество ночи бессонной
Мне услаждал до утра...
Верьте: не блеск и величие сана
Душу пленяют мою,
Чужды мне льстивые речи обмана,
Громких я од не пою.
В книге, как в зеркале, оком привычным
Вижу я отблески лиц:
Чем-то сердечным, простым, симпатичным
Веет от этих страниц.
Кажется, будто, на миг забывая
Света бездушного шум,
В них приютилася жизнь молодая,
Полная чувства и дум.
Жизнь эта всюду: в Венеции милой,
В грёзах любви золотой,
В теплых слезах над солдатской могилой,
В сходках семьи полковой...

Пусть вдохновенная песнь раздаётся
Чаще, как добрый пример!
В памяти чутких сердец не сотрётся
Милая подпись К. Р.
Трудно мне кончить: слова этикета
Плохо вставляются в стих, —
Но как поэт Вы поймете поэта,
Если он кончит без них.

А. Апухтин Петербург, 16 августа 1886 г.

Эти стихи, – продолжает К. Р. дневниковую запись, – подействовали на меня отрадно, на меня повеяло от них теплом и лаской, я долго оставался под их обаянием».

Быстро отозвался на стихи К. Р. журнал князя В. П. Мещерского «Гражданин». 30 августа К. Р. пишет: «Прилагаю вырезку из «Гражданина» с разбором моих стихотворений, написанным кн. Мещерским. Отзыв благосклонный, но совершенно для меня неожиданный: я до сих пор воображал себя лириком, по крайней мере стихи в эпическом роде удавались мне редко и с большим трудом. Моего «Манфреда» обругали, может быть, отчасти и справедливо. Но неужели же мой стих тяжёл в этом драматическом отрывке? А я было собрался писать целую поэму, в таком же драматическом роде, да и не бросаю это намерение. Надо будет еще более обратить внимание на стих, вкладывая его в уста совершенно противоположных личностей... Но описание природы, цветов и нашего севера осталось незамеченным».

Запись: «13-го [сентября] утром. Написал Чайковскому. Он обратился ко мне с просьбой исходатайствовать ему разрешение посвятить Государыне 12 недавно сочиненных им романсов. Он кончил свою новую, и, как он говорит, свою лучшую и последнюю оперу «Чародейку», и зимой будет оркестрировать ее. Ему бы хотелось посвятить эту оперу Государю, и он просит меня помочь ему в этом. Это поручение мне очень приятно. Я послал Чайковскому свой сборник. Может быть, он что-нибудь из него положит на музыку».

В сентябре Чайковский писал К. Р. о его стихах: «Многие из них проникнуты теплым, искренним чувством, так и просятся под музыку!» Но прошло более года до той поры, когда Чайковский исполнил тайное желание К. Р. В декабре 1887 года он сообщает ему: «Я написал недавно шесть романсов на тексты симпатичного и полного живого поэтического чувства поэта К*** Р***». К. Р. отвечал: «Вы не поверите, как я обрадовался вашему обещанию прислать новые, мне посвященные романсы и как я вам благодарен. Теперь по крайней мере шесть из моих стихотворений будут увековечены. Сгораю от нетерпения и любопытства узнать, какие именно вы выбрали» (11. XII. 1887). Эти шесть романсов были написаны на стихи: «Первое свидание», «О, дитя, под окошком твоим...», «Уж гасли в комнатах огни...», «Я вам не нравлюсь...», «Я сначала тебя не любила...» и «Растворил я окно...»⁴.

В начале октября 1886 года в газете «Новое время» появился разбор книги стихотворений К. Р., написанный Виктором Бурениным, критиком и поэтом, драматургом и фельетонистом. 4 октября К. Р. записывает: «В Павловск я поехал с 4-х часовым поездом. В вагоне читал фельетон Буренина и письмо Грота о моих стихотворениях. Буренин меня не обругал и отнесся к моей книжке, пожалуй, сочувственнее, чем к стихам Апухтина.

Стихотворение «Отцветает сирень» называет он виртуозным по форме». Ответ Я. К. Грота, который был не только филологом и лингвистом, но и поэтом, на посланную ему книжку, пришедший по почте, был гораздо дельнее. «Письмо Я. К. Грота доставило мне огромное удовольствие, – пишет К. Р. – Он с тщательным вниманием просмотрел всю мою книгу

---

⁴ Всего композиторами (Глазуновым, Кюи, Рахманиновым, Гречаниновым и др.) положено на музыку более семидесяти стихотворений К. Р.

и отметил понравившиеся ему места и все замеченные им погрешности. Такого рода дельный разбор – не то что не имеющие для меня важного значения взгляды всяких писак и фельетонистов и дает мне новый толчок вперед. Я с удвоенным рвением, можно даже сказать ожесточением, начинаю работать над отделкой своих последних произведений, стараясь достигнуть большего совершенства. Я совершенно чистосердечно и искренно говорю о своих последних стихах, что гордости нет в моей душе, что для меня ничтожны отзывы толпы, когда самый этот дар для меня лучшая награда и я смотрю на него как на талант, с помощью которого я обязан приобрести другие таланты»⁵.

16 сентября было получено письмо от Ивана Александровича Гончарова. «Он благодарит за книгу моих стихов и разбирает их. Ему они кажутся искренними, и он в этом видит главный признак таланта; выше всего он ставит «Письмо из-за границы», «Из лагерных заметок» и «Умер». Это письмо очень меня обрадовало и доставило мне большое удовольствие; он исписал целых два с половиною больших листа. Я согласен с ним, что стихи, которые ему понравились, одни из удачнейших моих произведений. Но он ничего не говорит о коротеньких лирических произведениях, в которых я старался выразить свою любовь к нашему северу, к нашей скудной, но милой природе».

В конце октября Гончаров посетил К. Р. в Мраморном дворце. 3 ноября он писал ему: «Возвращаясь по набережной пешком домой, я много думал о замышляемом Вашим Высочеством грандиозном плане мистерии-поэмы, о которой Вы изволили сообщить мне несколько мыслей.

Если, думалось мне, план зреет в душе поэта, развивается, манит и увлекает в даль и в глубь беспредельно вечного сюжета – значит надо следовать влечению и – творить. Но как и что творить (думалось далее)? Творчеству в истории Спасителя почти нет простора. Все Его действия, слова, каждый взгляд и шаг начертаны и сжаты в строгих пределах Евангелия, и прибавить к этому, оставаясь в строгих границах христианского учения, нечего... Следовательно, художнику-поэту остается на долю дать волю кисти и лирическому пафосу, что и делали и делают живописцы и поэты разных наций... Всем этим я хочу только сказать, какие трудности ожидают Ваше Высочество в исполнении предпринятого Вами высокого замысла. Но как Вы проникнуты глубокою верою, убеждением, а искренность чувства дана Вам природою, то тем более славы Вам, когда Вы, силою этой веры и поэтического ясновидения – дадите новые и сильные образы чувства и картины – и только это, ибо ни психологу, ни мыслителю-художнику тут делать нечего.

Я отнюдь не желал бы колебать Вашей решимости или подсказывать свои сомнения в Ваших силах – нет. Читая томик, лежащий у меня под рукою, Ваших стихотворений, и между прочим переводов – я все более и более убеждаюсь в несомненных признаках серьезного дарования. Я только хотел сказать несколько своих мыслей по поводу избранного сюжета... Сам я, лично, побоялся бы религиозного сюжета, но кого сильно влечет в эту бездонную глубину – тому надо писать».

Позднее (в 1889 году) П. И. Чайковский, не зная о замысле К. Р., писал ему: «Ваше Высочество говорите, что не надеетесь написать что-нибудь крупное. Я же ввиду Вашей молодости совершенно уверен, что Вы их напишете несколько. Так как Вы имеете счастье обладать живым, теплым религиозным чувством (это отразилось во многих стихотворениях Ваших), то не выбрать ли Вам Евангельскую тему для Вашего ближайшего крупного произведения? А что, если бы, например, всю жизнь Иисуса Христа рассказать стихами? Нельзя себе представить более колоссального, но вместе с тем и более благодарного сюжета для эпопеи! Если же Вас пугает грандиозность задачи – то можно удовольствоваться одним из эпизодов жизни Иисуса Христа, например, хотя бы Страстями Господними. Мне кажется, что если с евангельской про-

---

⁵ См.: Евангелие от Матфея. (25: 15–28).

стотой и почти буквально придерживаясь текста, например евангелиста Матфея, изложить эту трогательнейшую из всех историй стихами, – то впечатление будет подавляющее!»

Удивительно, как близко подошел в своих советах Петр Ильич к уже возникшему у К. Р. замыслу.

Весной 1887 года К. Р. навесит Гончарова в его холостяцкой квартире. Старый писатель был простужен и почти не выходил на воздух. Гончарову было приятно участливое внимание Великого Князя. В ходе беседы он попросил его прислать ему новые стихи свои, не вошедшие в сборник. Это был ряд прекрасных стихотворений, написанных в течение 1886 года. К. Р. послал эти стихи Гончарову и получил ответ:

«Новые стихи отличаются типическими свойствами Вашей искренней, нежной, любящей природы, – писал Гончаров. – Таких стихотворений есть несколько, между прочим – «Помнишь ли ты, как бродили мы по полю...» или молитва «Научи меня, Боже, любить...», потом «Благослови меня». «Пронеслись мимолетные грезы!..» – слишком лично субъективное стихотворение». Гончаров нашел, как строгий критик, несколько прозаических выражений в стихах, упрекнул автора в том, что он не всегда мотивирует свои чувства. Далее он отметил еще два понравившихся ему стихотворения: «Не ждал я, признаюсь, такого одобренья...» и «Колыбельная песенка», посвященная К. Р. своему сыну Иоанну (Иоанчику, как его звали в семье). О втором: «“Колыбельная песенка” – чудесно, грациозно, нежно. Печальный взгляд Божией Матери, обращенный к ребенку с предвидением жизненного горя, – прелесть. Это сравнение подсказало Вам Ваше родительское сердце». И далее: «Вы действительно рождены с огнем поэзии».

Книжку своих стихотворений К. Р. 2 декабря 1886 года послал А. А. Фету при следующем письме: «Многоуважаемый Афанасий Афанасьевич, пишу Вам, не имея, к моему искреннему сожалению, удовольствия быть лично с Вами знакомым. Мне привелось узнать стороной, что Вы удостоили снисходительного отзыва стихотворения К. Р., принадлежащие моему скромному, начинающему и весьма неопытному перу. Я глубоко ценю такой бесконечно лестный для меня отзыв как мнение одного из наших маститых стихотворцев пушкинской школы. Примите же от меня снисходительно прилагаемую книжку стихов и дайте мне надеяться, что Ваше дорогое сочувствие принесет мне счастье на избранном мною пути». В заключение письма К. Р. пригласил Фета посетить Мраморный дворец.

Фет отвечал: «Нынешней осенью я случайно попал в фельетоне «Нового Времени» на некоторые стихотворения, отличающиеся истинным поэтическим порывом и прирожденною потребностью красоты. Обрадованный неожиданной находкой, я поделился ею с вошедшим ко мне [В. С.] Соловьевым, спросивши: «Не правда ли, как хорошо?» «Не знаете ли, – спросил он, – чье это?» И на отрицательный ответ мой он сам, взглянув в газету, по двум буквам К. Р., сообщил мне, что это стихи Вашего Высочества. Итак, я прежде был побежден поэтом, чем Великим Князем. Факт этот может быть удостоверен».

В своем письме к К. Р. от 27 декабря 1886 года Фет делится с ним своими представлениями о том, каким должно быть настоящее лирическое стихотворение. Оно, пишет Фет, «подобно розовому шипку: чем туже свернуто, тем больше носит в себе красоты и аромата». И далее: «Поэзия непременно требует новизны, и ничего для нее нет убийственнее повторения, а тем более самого себя. Хотя бы меня самого, под страхом казни, уличали в таких повторениях, я, и сознавшись в них, не могу их не порицать. Под новизною я подразумеваю не новые предметы, а новое их освещение волшебным фонарем искусства».

Очень ободряющие слова сказал автору по поводу «Стихотворений К. Р.» А. Н. Майков: «Впечатление Вашего сборника я не могу иначе характеризовать, как сказав, что оно – самое радостное. Удивительная искренность, чудная душевная чистота – и всё это в весенней обстановке юности – заставили бы полюбить поэта, если б не видали и не знали его».

На одобрительный отзыв Н. Н. Страхова, с которым всю жизнь по поводу почти каждого своего стихотворения советовался Фет (о чем Фет писал К. Р.), К. Р. ответил письмом, которое было как бы итогом всей переписки по поводу его стихотворного сборника. «Я читал и перечитывал ваши отзывы о моих стихотворениях, – писал К. Р., – и спешу выразить искреннюю благодарность за ваше сочувствие к моим первым опытам... В обществе, в котором я вращаюсь, мои стихи произвели впечатление; похвалы им я слышу со всех сторон; прекрасный пол особенно щедр на них. Это хотя и ласкает мое самолюбие, но несколько меня не удовлетворяет. Мне нужно более осмысленное суждение, а не одна пустая похвала лиц, ничего в деле поэзии не понимающих. Я не хочу быть дилетантом в словесности; я смотрю на свое дарование как на талант, ниспосланный мне свыше, и не желал бы уподобиться неключимому рабу⁶. Я убедился опытом, что только посредством неутомимого труда можно достигнуть чего-нибудь, и надеюсь с Божией помощью совершенствоваться, терпеливо стремясь к заветной цели... Писать я могу только, когда меня посещает вдохновение, этот сладостно-мучительный недуг. Когда оно нахлынет, я пишу, но всегда медленно и с большим трудом. Благодаря многим отзывам, слышанным мной о моих стихах с разных сторон, я теперь более зрело и строго отделяю то, что выливается из-под пера. Но нередко впадаешь в уныние и руки опускаются, когда хочется писать, и не можешь».

2

Корифеи русской лирической поэзии были уже старцами, хотя и продолжали творить, в иных случаях даже более молодо и свежо, чем в прежние годы: Фет уже в преклонные годы начал печатать выпуски своих чудесных «Вечерних огней»; Полонский издал «Вечерний звон» (как бы итоговый сборник). Не ослабевало поэтическое творчество Майкова. Все они, поочередно, празднуют в эти годы пятидесятилетие писательской деятельности, а К. Р. находился почти в начале своего поэтического пути. Тем не менее он был высоко оценен ими как поэт, и они стали посылать ему свои новые, еще не напечатанные, стихи, – и для отзыва, и просто, по обычаю своего узкого кружка, поделиться самым дорогим с собратом по перу. Они обменивались не только письмами, но и стихотворными посланиями.

Так, в феврале 1887 года К. Р. пишет обращенное к Майкову стихотворение: «В ответ на его письмо с новыми стихотворениями»:

Опять твое раздалось пенье,
Опять звучит нам песнь твоя!
К ней, очарован, в восхищенье
Опять прислушиваюсь я.
Забыта вновь юдоль земная,
Я будто слышу твой призыв,
И, словно крылья расправляя,
Вмиг вострепнувшись и ожив,
Душа и просится и рвется
В те неземные высоты,
Откуда голос твой несется,
Туда, откуда манишь ты,
О, пой нам! Пой не умолкая
С той высоты, чтоб и опять
Я в этой дивной песне рая

---

⁶ Мф. 25: 15–28.

Мог вдохновенье почерпать.

На это последовал стихотворный ответ: «Е[го]. И[мператорскому]. В[ысочеству]. Великому Князю Константину Константиновичу»:

Зачем смущать меня под старость!
Уж на покой я собрался —
Убрал поля, срубил леса,
И если новая где зарость
От старых тянется корней,
То это – бедные побеги,
В которых нет уж прежних дней
Ни величавости, ни неги...
Даль безграничная кругом,
И, прежде крытое листвою,
Одно лишь небо надо мною
В безмолвном торжестве своем...
И вот – нежданно, к нелюдиму,
Ваш стих является ко мне
И дразнит старого, как в зиму
Воспомянье о весне.

Это было напечатано в «Русском Вестнике», № 3 за 1887 (С. 365). 10 апреля 1887 года отмечалось пятидесятилетие писательской деятельности Якова Петровича Полонского. Он был не только поэт, но и прозаик и уже в 1885 году выпустил десятитомное собрание сочинений. К. Р. приветствовал его по случаю юбилея стихами:

Незабвенных поэтов бессмертную лиру
Унаследовал ты, о, певец!
Ты ревниво и свято сберег ее миру
И стяжал себе славы венец.
В чутких струнах будила волшебные звуки
Вдохновенная песня твоя,
То врачуя сердца сокровенные муки,
То веселье и радость лия,
Лишь во имя того, что светло и правдиво,
Что волнует восторгами грудь,
Лишь во имя добра ты всю жизнь терпеливо
Свой тернистый прокладывал путь.
И за то, что завет тех певцов незабвенных
Ты исполнил, трудясь и любя,
Никогда в песнопеньях твоих вдохновенных
Не забудет Отчизна тебя.

Получив письмо К. Р. со стихами, посвященными Майкову, Фет откликнулся посланием «Его Императорскому Высочеству Великому Князю Константину Константиновичу»:

...Ужели жизнь опять приветна?
Ужель затихли безответно

И буря и недуга злость?
Какая весть благоволенья!
Какая свежесть вдохновенья!
Какой в глуши высокий гость!
Весной нежданной сладко веет,
В груди теплой, в глазах светлеет,
Я робко за тобой пою.
И сердце благодарно снова
За жар живительного слова,
За юность светлую твою.

Очень любопытна эта стихотворная переписка. Дружеские послания Фета, Майкова, Полонского, К. Р. непохожи на этот жанр первой трети XIX века, на стихотворную переписку Батюшкова, Жуковского, Пушкина, Вяземского и других поэтов «золотого» времени поэзии. У них это личный, с глазу на глаз разговор, непринужденный, не стесненный ни требованием жанра, ни временем. Это беседа не только поэтов, но друзей, объединенных множеством общих интересов, – в дружеских посланиях мелькали многочисленные реалии (имена, события, намеки...), понятные только им. Без комментариев при их издании не обойтись. Послания же поэтов 1880–1890-х годов отличаются краткостью, виртуозностью формы, находчивостью поэтических оборотов и всегда – не дружески-непринужденным тоном, а возвышенным и строгим. Никакие детали быта не входят в них. Нет и намеков, понятных только им. В каждом случае это лирическое стихотворение. К. Р. вошел в эту переписку на высоком уровне мастерства.

В 1880–1890-е годы Фет написал целый ряд стихотворных посланий к К. Р. (а также к его супруге и к сестре его Ольге Константиновне). Также и К. Р., который относился к Фету примерно так, как молодой Пушкин к маститому Жуковскому. Вот характерное послание Августейшего поэта к своему учителю:

Отважно пройдена дорога,
И цель достигнута тобой:
Ты, веря в доброе и в Бога,
Свершил высокий подвиг свой.
И ныне следом за тобою
Пуститься в путь дерзаю я;
Пусть путеводною звездой
Сияет вера мне твоя.
А ты, испытанный годами,
Не унывающий боец,
Ты – убеленный сединами,
Венчанный славою певец.
Меня, возвращенного судьбою
В цветах, и счастье, и любви,
Своей дряхлеющей рукою
а трудный путь благослови.

В сонете «А. А. Фету. На пятидесятилетие его писательской деятельности 26-го января 1889» К. Р. поэтически-виртуозно выразил суть того впечатления, которое производит поэзия Фета (это уже не юбилейная любезность, а факт высокой поэзии):

Есть помыслы, желанья и стремленья,
И есть мечты в душевной глубине:
Не выразить словами их значенья,
Неведомы, таятся в нас оне.
Ты понял их: ты вылил в песнопенья
Те звуки, что в безгласной тишине
Пленяют нас, те смутные виденья,
Что грезятся лишь в мимолетном сне.
Могучей силой творческого духа
Постигнув все неслышное для уха,
Ты угадал незримое для глаз.
И сами мы тех сердца струн не знали,
Что в сладостном восторге трепетали,
Когда, чаруя, песнь твоя лилась.

Многому учился К. Р. у Фета, в том числе недоверию к себе, исканию профессиональных советчиков. Фет не считал себя мастером, не способным на ошибки, и не скрывал этого. 3 июля 1887 года к нему в Воробьевку, имение его, приехали Н. Н. Страхов и В. С. Соловьев. Фет пишет К. Р., что беседовал «с тонким знатоком поэзии В. С. Соловьевым, с одной стороны, и тончайшим критиком Н. Н. Страховым, который и на этот раз улучил время для просмотра сорока пяти моих стихотворений, предназначенных осенью к напечатанию отдельным, третьим, выпуском «Вечерних огней». При этом он так был строг, что вынудил во многих местах Соловьева заступиться за меня, грешного. Излишне прибавлять, как глубоко я им признателен» (6.VII.1887). Таким же образом Фет готовил и следующий выпуск – 4-й – «Вечерних огней». Он писал К. Р.: «Несмотря на обуявшую Страхова лень, я принудил его рассмотреть пятьдесят моих стихотворений... Стихотворений шесть мы окончательно вычеркнули, зато многие при помощи поправок получили определенность и ясность» (8.VIII. 1888).

Личное знакомство Фета и К. Р. произошло в Мраморном дворце, куда старый поэт приехал из своей Воробьевки 17 декабря 1887 года. «Это была наша первая встреча, – писал К. Р. – А до этого мы уже целый год переписывались, не выдав друг друга». Со своей стороны К. Р. навестит Фета в его московском доме на Плющихе. Это будет позднее.

Посылая в январе 1888 года Великому Князю Константину Константиновичу третий выпуск своих «Вечерних огней», Фет сделал на нем надпись – посвящение К. Р.:

Трепетный факел, – с вечерним мерцанием
Сна непробудного чуя истому,
Немощен силой, но горд упованием
Вестнику света сдаю молодому.

К. Р. очень дорожил своим знакомством с Иваном Александровичем Гончаровым, встречами и перепиской с ним. И стихотворное посвящение ему, написанное К. Р., имеет несколько иной характер, чем послания к поэтам. Это очень четко и ладно скроенное благодарение, чеканные приветственные стихи, в своем роде шедевр:

Венчанный славою нетленной,
Бессмертных образов творец!
К тебе приблизиться смиренно
Дерзал неопытный певец.
Ты на него взглянул без гнева,

Своим величьем не гордясь,
И звукам робкого напева
Внимал задумчиво не раз.
Когда ж бывали песни спеты,
Его ты кротко поучал;
Ему художества заветы
И тайны вечные вешал.
И об одном лишь в умиленье
Он ныне просит у тебя:
Прими его благодаренье
Благословляя и любя!

«Стихотворение, обращенное ко мне, – писал Гончаров К. Р., – я анализирую не критикой ума, а сердцем, сладко над ним задумываюсь и глубоко, умиленно благодарю!»

В письмах к Гончарову К. Р. с доверчивостью человека, все сообщенное которым будет принято с искренним и добрым вниманием, рассказывает о подробностях своего быта (в письмах к Фету – иное...). Так, 24 июня 1887 года он пишет из Красного Села: «Полк перебрався сюда в половине мая, а свою маленькую семью я в то же время перевел в Павловск. Туда я ездил по воскресеньям и праздничным дням, а остальное время обучал роту строю, всяким тактическим хитростям и стрельбе. Эти занятия, как я не раз говорил вам, преисполнены поэзии, несмотря на их кажущуюся сухость...»

Пошли беседы с фельдфебелем о цене на сено для артельной лошадки, о больных, о провинившихся, об отличившихся на стрельбе, о капусте и грибах. Опять сиюминутно является ко мне ротный писарь с рапортом, бумагами, списками и сведениями. Опять является артельщик с вечным нерешительным требованием: «Денег позвольте...» Я продолжаю писать; моя поэма «Севастиан-мученик» приходит к концу. Это мое первое длинное произведение».

Поэма К. Р. «Севастиан-мученик» будет окончена в Павловске 22 августа 1887 года. 10 июля К. Р. посылает Гончарову новое стихотворение. «Вы подаете мне мысль, – пишет он, – переложить на стихи слова Архангела Пресвятой Деве, приведенные в Евангелии от Луки. Представьте, что эта мысль и мне приходила уже давно, и я надеюсь, что когда-нибудь мне и удастся написать этот Ave Maria».

Вы так подкупаете меня снисходительным отзывом о моих стихотворных переложениях из Св. Писания, что я решаюсь представить на ваше обсуждение стихи, написанные мною нынче весной на Страстной Неделе. Я старался передать в них впечатления, производимые на нас умиленными молитвами служб Святых Страстей; как увидите, у меня перечислены главнейшие из этих молитв. Я пытался в кратких словах изложить сущность их содержания, но боюсь, что далеко не достиг трудной цели».

Ответ Гончарова К. Р. получил 20 июля, через неделю после того, как у него родился второй сын – Князь Гавриил. Гончаров тепло поздравил Великого Князя и его супругу с такой радостью, а основную часть письма посвятил отзыву о присланном стихотворении «На Страстной Неделе» и разговору о духовной поэзии.

Стихотворение «На Страстной Неделе» написано с большим искусством и ясно чувствуемой глубокой верой («Жених в полночи грядет!...»). «Я прочел его с таким же умилением, – писал Гончаров, – с каким оно, очевидно, написано, или, вернее, излилось из души поэта, как изливались и самые оригиналы этих молитв из вдохновенных верою душ их авторов. Такие молитвы есть поэзия верующей души, поэзия возносящегося к Богу духа. Всякий – глубоко ли или младенчески верующий и пламенно молящийся – в момент молитвы есть и лирический поэт... Оно (стихотворение) дышит и молитвенным, чистым настроением, и сжато, и сильно. Счастливая мысль – совокупить в нескольких строках главные лучшие молитвы прекрасных,

умилительных молитв Страстной Недели... Почти все наши поэты касались высоких граней духа, религиозного настроения, между прочим, величайшие из них: Пушкин и Лермонтов; тогда их лиры звучали «святою верою» («И дышит благодатная святая вера в них» и т. д.), но ненадолго. Тьма опять поглощала свет, т. е. земная жизнь брала свое».

15 сентября 1887 года К. Р. пишет Гончарову: «Со страхом и трепетом посылаю вам «Севастиана-мученика», надеясь, что вы не откажетесь искренно и не жалея моего самолюбия высказать ваше суждение».

Это была поэма в двух частях, посвященная «королеве эллинов Ольге Константиновне», которая, как видно из стихотворного «Посвящения», и внушила автору этот сюжет. Ольга Константиновна летом 1887 и летом следующего года отдыхала в Павловске и много общалась с братом. Поэма впервые была напечатана в «Русском Вестнике» (№ 5 за 1888 год).

По мастерству, по четкости языка и формы, свободе речи и сжатости ее, звучности рифм, по неабстрактной живописи деталей быта третьего века «Севастиан-мученик» одно из лучших произведений в этом роде. Очень жив и высок религиозный дух поэмы, веющий свежестью жизни, а не так называемым ароматом пыльных страниц истории. Удивительно, как воскресает (не скажешь иначе) древность под пером К. Р.! «Севастиан-мученик» – блестящая проба перед грядущим грандиозным «Царем Иудейским», о котором он размышлял более четверти века.

В 1889 году вышел «критический этюд» Евгения Гаршина «Три поэмы», где он рассматривает три замечательных произведения, напечатанных в 1888 году: поэмы «Брингильда» А. Н. Майкова, «Яромир и Предслава» графа А. А. Голенищева-Кутузова и «Севастиан-мученик» К. Р. «Молодую ясностью и свежестью преисполнено третье из разбираемых нами произведений, поэма «Севастиан-мученик», изящный плод поэтического досуга, которым располагает ее автор. Эта грациозная пьеса является блестящим образцом неувядаемости того же романтического направления, с которым тесно связаны лучшие традиции русского общества... Прекрасное содержание вылилось в прекрасную форму: безупречное изящество поэмы, с внешней стороны, придает произведению одаренного поэта особую привлекательную силу. Ему чрезвычайно удалось описания, которые дышат у него лермонтовскою образностью и колоритностью, как, например, следующая в живописных штрихах набросанная картина:

Гаснет алый запад, догорая
В небесах малиновой зарей;
Быстро тень надвинулась густая,
И звезда зажглася за звездой.
Уж померкло небо голубое,
Тихо всё... Уснул великий Рим;
И в немом, задумчивом покое
Ночь спустилася над ним.

Изящный в отделке своего стиха, наш молодой поэт обладает уже и мастерством психического анализа, блестящие зачатки которого он, несомненно, проявляет в своеобразной разработке агиографического сюжета, к которому он отнесся совершенно по-своему, хотя и не отступая от исторической правды и церковного предания... Вообще молодой автор такой серьезной по замыслу и такой законченной по исполнению поэтической пьесы, как поэма «Севастиан-мученик», автор, хорошо известный знатокам и любителям русской поэзии и по другим своим произведениям, выступает перед нами вполне созревшим представителем лучшего литературного течения в области русского творчества, течения, живо сказавшегося в трех произведениях, разбору которых посвящен настоящий этюд. Все эти три поэмы вместе являются блестящим доказательством здорового состояния русской поэзии в данный момент

и залогом ее преуспеяния ни в каком ином направлении, как только в том, которое насаждено у нас отцами русской поэзии – Жуковским и Пушкиным».

Г. Нелюбин писал позже, в 1902 году: «В «Севастиане-мученике» К. Р. поднялся до кульминационной точки своего поэтического кругозора: это безусловно лучшее его произведение, вещь, которая сделала бы честь любому из признанных корифеев русской поэзии... Немудрено поэтому, что из всех произведений нашего поэта «Севастиан-мученик» пользуется наибольшей популярностью. Не смотря на довольно значительные размеры «Севастиана...», поэма К. Р. вошла в многие сборники и хрестоматии, а также вышла отдельным изданием».

Севастиан-мученик

*Претерпевый же до конца, той спасется.
Мф. 24: 13*

Посвящение

Королеве эллинов Ольге Константиновне

Тебе, тебе, мой ангел нежный,
Я посвящаю этот труд;
О, пусть любовно и прилежно
Твои глаза его прочтут.

Ты мне внушила эти строки,
Они тобой вдохновлены:
Пускай же будут в край далекий
Они к тебе унесены.

И если грудь занает больно
Тоской по нашей стороне,
Пускай тогда они неволью
Тебе напомнят обо мне.

И пусть хоть тем тебе поможет
Тот, кто всегда и всюду твой,
Кто позабыть тебя не может
И чья душа полна тобой.

Часть первая

1
В Риме праздник. Рышут колесницы,
Топот, стук колес по мостовой,
Ржанье, свист бича и крик возницы
В гул слилися. К форуму толпой
Повалил народ. Снуют носилки,
Пыль клубится облаком густым;
Фыркает, храпит и рвется пылкий
Конь под всадником лихим.

2
В честь богини зеленью, цветами
Убран был Венеры пышный храм;
От курильниц синими клубами
Возносился легкий фимиам.

В наготе божественного тела,
Фидия рукою создана,
В благовонном сумраке белела
Олимпийская жена.

3
Совершая жертвоприношенье,
Цезарь сам стоял пред алтарем,
И жрецы в немом благоговеньи
С утварью теснились кругом.
Все во прах повергнулись толпою.
Преклонился сам Максимиан, —
Не поник отважной головою
Лишь один Севастиан.

4
Засверкали цезаревы очи
И зловещим вспыхнули огнем,
Вне себя он стал мрачнее ночи
Искаженным яростью лицом:
«Ты ль не хочешь чтить моей святыни,
Возмущая наше торжество?
Ты ль, трибун мой, дерзкою гордыней
Оскорбляешь божество?»

5
И бесстрашно, твердо и спокойно
Отвечал ему Севастиан:
«Человеку, цезарь, недостойно
Почитать бездушный истукан.
Правды нет в твоей безумной вере,
Ваши боги – лживая мечта,
Не могу я кланяться Венере,
Исповедуя Христа!

6
Он – мой Бог! Его святою кровью
Грешный мир искуплен и спасен;
Лишь Ему с надеждой и любовью
Я молюсь коленопреклонен.
Небеса Он создал, создал землю,
Создал все, что дышит и живет.
Лишь Его велениям я внемлю,
Он мне помощь и оплот!

7
Неподвижно, в трепетном молчанье,
Царедворцы робкою толпой
Роковое слушали признание,

Изумляясь дерзости такой.
Обезумел цезарь, злобы полный,
Ярый гнев уста его сковал,
И смятенным ликторам безмолвно
Он трибуна указал.

8

Вмиг вокруг него живой стеною
Их сомкнулись тесные ряды;
Повлекли они его с собою
В гору, в Палатинские сады.
Нумидийской цезаревой стражей
Сдали там с рук на руки его...
И покорно стал от злобы вражьей
Он конца ждать своего.

9

Гаснет алый запад, догорая
В небесах багряною зарей;
Быстро тень надвинулась густая,
И звезда зажглася за звездой.
Уж померкло небо голубое,
Тихо все... Уснул великий Рим;
И в немом, задумчивом покое
Ночь спустилася над ним.

10

Уж во власти тихого Морфея,
Под его чарующим крылом
Все, в дремоте сладкой цепenea,
Позабылось безмятежным сном.
Лишь, к стволу привязан кипариса,
Молодой трибун-христианин
Там, в саду цветущем Адониса,
В эту ночь не спит один.

11

А кругом, на храмы, на чертоги,
Налегла таинственная тьма;
Сторожат изваянные боги
Рощи Палатинского холма;
Сладко в них цветы благоухают,
Водометы плещут и журчат
И росой свежей орошают
Мрамор царственных палат.

12

Полночь дышит влажною прохладой...
У стены на каменном полу

Стража крепко спит под колоннадой.
Догорев, костер дымит в углу;
Пламя, вспыхнув, озарит порою
То карниз, то вазу, то плиту,
И, кружась, искры над золою
С треском гаснут на лету.

13

И задумчив узник одинокий,
Кротких глаз не сводит он с костра:
Скоро мрак рассеется глубокий,
Минет ночь, – недолго до утра.
Заблестит восток воспламененный,
Брызнут солнца первые лучи
И разбудят этот город сонный,
И проснутся палачи.

14

На него они наложат руки,
Истерзают молодую грудь,
И настанет час предсмертной муки,
И окончен будет жизни путь.
Словно искра, в мраке исчезая,
Там, над этим тлеющим костром,
Жизнь его, как утро, молодая
В миг один угаснет в нем.

15

Но ни жизни, полной юной силы,
Ни даров земных ему не жаль,
Не страшит его порог могилы;
Отчего ж его гнетет печаль?
Отчего заныла грудь тоскою?
Отчего смутилось сердце в нем?
Иль ослаб он бодрою душою
Пред мучительным концом?

16

Не его ли пламенным желаньем
Было встретить доблестный конец,
Радость вечную купить страданьем
И стяжать мучения венец?
Не мечтал ли дни он молодые
Положить к подножию Креста
И, как те избранники святые,
Пасть за Господа Христа?

17

Но они не ведали печали:

Не в тиши безмолвной и глухой,
Посреди арены умирали
Пред ликующей они толпой.
Нет, в душе их не было кручины,
Погибать отрадней было им:
В Колизее славной их кончины
Был свидетель целый Рим.

18

Может быть, звучали в утешенье
Им слова-напутствия друзей,
Их молитвы, их благословенья,
Может быть, меж сотнями очей
Взор они знакомый различали
Иль привет шептавшие уста;
Мужества, дивясь, им придавали
Сами недруги Христа.

19

А ему досталась доля злая
Позабытым здесь, в глуши немой,
Одиноко, в муках замирая,
Изнывать предсмертною тоской.
Никого в последнее мгновенье
Не увидит он, кто сердцу мил,
Кто б его из мира слез и тленья
Взором в вечность проводил.

20

А меж тем над спящею столицей,
Совершая путь обычный свой,
Безмятежно месяц бледнолицый
Уж плывет по выси голубой.
Просияла полночь; мрак редет,
Всюду розлит серебристый свет,
И земля волшебным блеском рдеет
Небу чистому в ответ.

21

Там белеет храм Капитолийский,
Древний форум стелется под ним;
Здесь колонны, арки, обелиски
Облиты сияньем голубым;
Колизей возносится безмолвный,
А вдали извилистой каймой
Тибра мутные струятся волны
За Тарпейскою скалой.

22

И, любуясь дивною картиной,
Позабывшись узник молодой;
Уж теперь не горем, не кручиной
Сердце полно – сладкой тишиной.
Приутихло жгучее страданье,
И в душе сомненье улеглось:
Этой ночи кроткое сиянье
Словно в грудь ему влилось.

23

Примиренный с темною судьбою,
Вспоминает он былые дни:
Беззаботной, ясной чередою
Пронеслись на севере они.
Видит он зеленые равнины,
Где блестят сквозь утренний туман
Альп далеких снежные вершины,
Видит свой Медиолан.

24

Видит дом родной с тенистым садом,
Рощи, гладь прозрачную озер
И себя, ребенком малым, рядом
С матерью; ее он видит взор,
На него так нежно устремленный...
Как у ней был счастлив он тогда,
Этим милым взором осененный,
В те беспечные года!

25

От нее услышал он впервые
Про Того, Кто в мир тоски и слез
Нам любви учения святыя
И грехов прощение принес;
Кто под знойным небом Галилеи
Претерпел и скорбь, и нищету
И Кого Пилат и фарисеи
Пригвоздили ко кресту.

26

Но года промчались стрелою...
Детства дней счастливых не вернуть!
Он расстался с домом и семьею,
Перед ним иной открылся путь:
Он, покорный долгу, в легионы
Под знамена бранные вступил
И свой меч, отвагой закаленный,
Вражьей кровью обагрил.

27

Бой кипел на западе далеком:
Там с врагами Рима воевал
Юный вождь. Ревнивым цезарь оком
На победный лавр его взирал.
Против франков, в войске Константина,
Острых стрел и копий не страшась,
Севастьян и с ним его дружина
Храбро билися не раз.

28

Но и в грозный час кровавой битвы,
Помяная матери завет,
Благодатной силою молитвы
Соблюдал он в сердце мир и свет.
Бодрый дух его не устрашали
Зной и стужа, раны и нужда;
Он сносил без жалоб, без печали
Тягость ратного труда.

29

И, властям всегда во всем послушный,
Он жалел подвластных и щадил;
С ними он, доступный, благодушный,
И печаль, и радости делил.
Кто был горем лютым, иль несчастьем,
Или злой невзгодой удручен,
Шел к нему, и всякого с участием
Принимал центурион.

30

И за то с любовью беспримерной
Подчинялись воины ему,
Зная, что своей дружины верной
Он не даст в обиду никому,
И везде, из всех центурий стана,
И в бою, и в пору мирных дней
Отличалась сотня Севастьяна
Ратной доблестью своей.

31

И привязан был он к этой сотне
Всеми силами души своей;
В ней последним ратником охотней
Был бы он, чем первым из вождей
Всех когорт и легионов Рима.
Не желал он участи иной,
Не была душа его палима
Властолюбия мечтой.

32

В бранном стане, в Галлии далекой
Скромный дорог был ему удел,
И его на блеск и сан высокий
Променять бы он не захотел.
Почеть с властью, или роскошь с силой,
Или все сокровища земли
Никогда ему той сотни милой
Заменить бы не могли.

33

Что людьми зовется верхом счастья,
То считал тяжелым игом он.
Но увы! непрошеною властью
Слишком рано был он облечен!
О, какую горькою кручиной
Сердце в нем исполось, когда
С этой храброй, доблестной дружиной
Он расстался навсегда.

34

Никогда доселе сердцем юным
Ни тщеславен не был он, ни горд;
У преторианцев став трибуном,
Во главе блестящих их когорт.
Он остался воином смиренным,
Ни наград не ждавшим, ни похвал,
И, горя усердьем неизменным,
Честно долг свой исполнял.

35

Но душе его прямой и нежной
Чужд был этот гордый, пышный Рим,
Этот Рим порочный и мятежный,
С ханжеством, с безверием своим
Утопавший в неге сладострастной,
Пресыщенный праздной суетой,
Этот душный Рим с подобострастной
Развращенною толпой.

36

Здесь, в тревожной суетной столице,
Окружен неправдою и злом,
Как в глухой, удушливой темнице,
Изнывал он сердцем и умом.
Полн отваги, мужества и рвенья,
До конца готовый претерпеть,
Жаждал он скорей принять мученья

И за веру умереть.

37

И пришла пора освобожденья:
Только ночь прожить еще одну,
И настанет час успокоенья.
С упованьем глядя в вышину,
Он привет читает в блеске ночи:
Звезд лучи, пронизывая тьму,
С голубых небес, как Божьи очи,
Светят радостно ему.

38

Небо залито лазурью нежной,
Закатился месяц в облака;
Медленно, неслышно, безмятежно
Уплывает ночь. Вот ветерка
Предрассветная прохлада веет,
Край небес, светлея и горя,
Заалел с востока... Тьма редет,
И зарделася заря.

39

Узник видит утра пробужденье,
Светом солнца обдало его,
И за день последнего мученья
Он прославил Бога своего.
Пробудились стражи. Обступили
Севастьяна шумною толпой,
Молодое тело обнажили;
Высоко над головой

40

Подняли беспомощные руки,
Притянули к дереву плотней...
Лютые принять готовый муки,
В ожиданье участи своей,
Он стоял живой пред ними целью
В алом блеске утренних лучей,
Не внимая дикому веселью
Нумидийских палачей.

41

В этот час предсмертного томленья
Все земное мученик забыл;
Полн восторга, в сладком упоенье,
В небесах мечтою он парил.
Перед ним отверзлись двери рая;
Озарен сияньем неземным,

Звал его, венец ему сплетая,
Лучезарный серафим.

42

И не видел узник нумидийца
С длинным луком, с стрелами его;
В забытьи не видел, как убийца
Долго, долго целился в него,
Тетива как дрогнула тугая,
Не видал, как спущена была
И примчалась, воздух рассекая,
Смертоносная стрела.

43

Лишь когда отточенное жало
Глубоко в нагую грудь впилося,
В ней от боли сердце задрожало,
И очнулся он от светлых грез.
Шумный говор, крики, взрывы смеха
Услыхал он, мукою томим:
Зверская, кровавая потеха
По душе пришлося им.

44

Чередуюсь, каждый в нетерпенье
В грудь стрелу спешил ему послать,
Чтобы силу, ловкость и уменье
Над бессильной жертвой показать.
И стрела вонзалась за стрелою...
Он терпел с молитвой на устах;
Кровь из жгучих ран лилась струею,
И мутилось в глазах.

45

Уж сознание гасло и бледнело,
И молитв мешались слова;
На руках без чувств повисло тело,
И на грудь склонилась голова;
Подкосились слабые колени...
В область тьмы, забвения и сна
Погрузился дух... Земных мучений
Чашу он испил до дна.

46

А честное мученика тело,
Брошено руками палачей,
Скоро б, незарытое, истлело
Под огнем полуденных лучей,
Где-нибудь во рву иль яме смрадной,

Где бы хищный зверь, в ночную тьму,
Оглодал его, где б коршун жадный
Очи выклевал ему.

47

Уж его от дерева поспешно
Отвязать мучители хотят...
Той порою, плача неутешно,
Две жены прокрались тайно в сад.
Но мольбы напрасны; тщетно слезы
Изобильно льются из очей:
Им в ответ звучат одни угрозы
С бранью злобной палачей.

48

Жены им дрожащими руками
Сыплют деньги... Шумный спор возник,
Зазвенело золото... Меж стрелками
Завязалась драка; слышен крик...
А они страдальца тихо взяли,
Дорогой обвили пеленой
И, глубокой полные печали,
Унесли его с собой...

Часть вторая

1

Рим ликует. Зрителей без счета
Уж с утра стеклося в Колизей;
Христианам вновь грозит охота, —
Под ареной слышен вой зверей.
И до зрелищ жадный, в нетерпенье,
Ожидает цезаря народ...
Вдруг раздались клики в отдаленье:
«Тише, тише! Он идет!»

2

Распахнулась дверь. Цветов кошницы
Высоко держа над головой,
Дев прекрасных сходят вереницы
Меж колонн по лестнице крутой.
Из дворца идут они, как тени,
Услан путь узорчатым ковром;
Их цветы на гладкие ступени
Пестрым сыплются дождем.

3

Двигается дружина за дружиной:
Здесь и дак косматый, и сармат,
Здесь и скиф под шкурою звериной.
Блещут медь, железо и булаг,
Рог и трубы воздух оглашают,
И проходят пращники, стрелки;
Серебром и золотом сияют
Стражи цезарской полки.

4

Свищут флейты, и гремят цевницы,
Скачет шут, и вертится плясун.
Вот певцов проходят вереницы
И под звуки сладкогласных струн
Воспевают в песне величавой
Вечный Рим с владыками его,
Их полки, увенчанные славой,
И знамен их торжество.

5

Звонких лир бряцанье заглушает
Грохот бубнов и кимвалов звон,
Горделиво цезарь выступает,
Облеченный в пурпур и виссон.
Скиптр его из драгоценной кости
И орлом украшен золотым;
Дорогой венец на длинной трости
Черный раб несет над ним.

6

Вдруг кимвалы стихли, смолкли бубны,
И застыл кифар и гуслей звук,
В отдаленье замер голос трубный,
Все кругом недвижно стало вдруг.
Цепenea в ужасе безмерном,
Цезарь глаз не сводит со стены,
И к стене той в страхе суеверном
Взоры всех устремлены.

7

Там в окне, над мраморного аркой,
Между двух порфириновых колонн,
Полосою света залит яркой,
Полунаг, изранен, изможден,
Словно призрак иль жилец загробный,
Отстрадавший юноша предстал.
Красотой небесной, бесподобной
Ясный взор его сиял.

8

Волоса на плечи упали
Золотистой шелковой волной,
Кроткий лик, исполненный печали,
Выражал величье и покой;
Бледны были впалые ланиты,
И прошла морщина вдоль чела:
Злая мука пытки пережитой
Как печать на нем легла.

9

Посреди молчанья гробового
Он, вздохнув, отверз уста свои;
Полилось восторженное слово,
Как потока вешние струи:
«Цезарь! О, возьми меня с собою!
В Колизее ждет тебя народ...
Христиан, замученных тобою,
Кровь на небо вопиет.

10

Уж песок арены зверь взрывает...
Медлишь ты, бледнеешь и дрожишь!
Иль тебя то зрелище пугает?
Что ж смущен ты, цезарь, и молчишь?
Содрогнешься ль ты перед страданьем?
Иль твой слух еще не приучен
К детским крикам, к воплям и стенаньям
Старцев, юношей и жен?

11

Мало ль их, смерть лютую приявших?
Мало ль их, истерзанных тобой?
Одного из тех перестрадавших
Ныне видишь ты перед собой.
Эта грудь – одна сплошная рана,
Вот моя кровавая броня!
Узнаешь ли ты Севастиана?
Узнаешь ли ты меня?

12

Но сильнее любовь и милосердье
Жала стрел убийственных твоих:
Я уход, заботу и усердье
Близ твоих чертогов золотых,
Под одною кровлею с тобою
Находил у праведных людей;
И их доброй, ласковой семьею
От руки спасен твоей.

13

О, как тяжело было пробужденье
После казни той, когда я ждал,
Что очнуся в небе чрез мгновенье.
Осушив страдания фиал.
Но не мог расстаться я с землею,
Исцелела немощная плоть,
И ожившим, цезарь, пред тобою
Мне предстать судил Господь.

14

Страха чужд, тебе отдавшись в руки,
Я пришел принять двойной венец.
Претерпеть опять готов я муки
И отважно встретить свой конец.
Цезарь, там, я слышу... гибнут братья.
С ними смертью пасть хочу одной!
К ним иду я кинуться в объятья,
Цезарь! Я иду с тобой!»

15

Недвижимо, притаив дыханье,
Как волшебным скованные сном,
Тем словам, в томительном молчанье,
Все внимали трепетно кругом.
Он умолк, и как от грез очнулся
Цезарь, а за ним и весь народ;
Гордый дух в нем снова востепенулся
И над страхом верх берет.

16

«Надо мной ты смеешь издеваться
или мнишь, что кары ты избег?
Червь со львом дерзает ли тягаться
Или с Зевсом смертный человек?
Испытай же гордой головою,
Что мне гнев громов небес грозней
И что казнь, придуманная мною,
Когтя львиного страшней!

17

Пусть потрачены те стрелы даром.
Но палач мой справится с тобой:
Под тяжелым палицы ударом
Размозжится жалкий череп твой.
И погибнешь – миру в назиданье —
Ты за то, что вел безумный спор
С тем, кто власть свою могучей дланью

Над вселенною простер!»

18

Он шагнул вперед; и всколыхалась
Словно море пестрая толпа.
В колоннадах снова песнь раздалась,
Свищут флейты, и гудит труба,
Плясуны вновь пляшут по ступеням,
Вновь грохочут бубны и кимвал,
И вдоль лестниц с кликами и пенем
Лязг оружия зазвучал.

19

Но в последний раз борца Христова
С вышины слышались слова, —
И мгновенно все умолкло снова,
Как объято силой волшебства.
Над немой, смятенною толпою
Словно с неба слово то гремит
И ее, как Божьею грозою
Разражаяся, громит:

20

«Ты ужели страхом новой казни
Возмечтал слугу Христа смутить?
Воин твой, о, цезарь, чужд боязни,
Казнь одну успел он пережить, —
Верь! Приму вторую так же смело,
Умирая с радостью святой:
Погубить ты властен это тело,
Но не дух бессмертный мой.

21.

О, Господь, простивший иудеям,
На кресте их злобою распят,
Отпусти, прости моим злодеям:
И они не знают, что творят.
Пусть Христовой веры семенами
В глубине поляжем мы земли,
Чтоб побеги веры той с годами
Мощным деревом взошли.

22.

Верю я! Уж время недалеко:
Зла и лжи с земли сбегает тень,
Небеса зарделися с востока,
Близок, близок правды яркий день!
Уж вдали стекаются дружины,
Юный вождь свою собирает рать,

И ничем его полет орлиный
Вы не можете сдержать.

23.

Константин – тот вождь непобедимый!
Он восстанет Божиим посланцем,
Он восстанет, Промыслом хранимый,
Укрепленный Господом Христом.
Вижу я: в руке его державной
Стяг, крестом увенчанный, горит,
И богов он ваших в битве славной
Этим стягом победит.

24.

Тьму неправды властно расторгая,
Словно солнце пламенной зарей,
Засияют истина святая
И любовь над грешною землей.
И тогда, в день радости и мира,
Оселятся знаменьем креста
И воспрянут все народы мира,
Славя Господа Христа!»

Павловск, 22 августа 1887

К. Р. в 1909–1910 годах

Часть зимы 1909–10 года К. Р. проводил с детьми в Осташеве, – ему хотелось более глубокого уединения, чем оно бывало в Павловске. «Жизнь здесь, среди тишины – наслаждение», – пишет он в январе. Сделанные в течение нескольких лет пробы для «Царя Иудейского» его не удовлетворяли. Много раз он начинал драму сначала. И опять в Осташеве – сначала: «Попытаюсь приступить сегодня к давно задуманной евангельской поэме», – пишет того же 1-го числа. 3 января: «В первые два дня наступившего года подвинул немного «Царя Иудейского». Но очень опасаясь, что это будет слабое, неудачное произведение».

Погода была теплая: то легкий мороз, то метель... «Ходили на лыжах, – пишет К. Р. – И что был за вечер: на бледно-голубом небе сиял узкий серп нового месяца и горела вечерняя звезда. А внизу, везде, белый, белый снег».

«Последний вечер в дорогом Осташеве! Сегодня опять оттепель, с утра мело... Днем показывалось солнце, в 4-м часу оно уже было на закате, и с реки было видно, как отливали золотом окна нашего дома. Между облаков кое-где проглядывало бледно-голубое небо, а снег ослепительно-белый. Так красиво! После чая, когда уже темнело, прокатился с Татьяной в Колышкино в одиночных санях на коне Артиллеристе, а за кучера был Игорь. Он здесь ведает конюшенной частью. Молодой месяц светил с неба, и мы отбрасывали легкую тень на снег».

Однако академические дела звали в Петербург. С большой неохотой К. Р. покинул Осташево. 9 января он уже вел общее собрание в Академии наук. Дело было важное: мануфактур-советник купец Алексей Александрович Бахрушин, собиратель театральных и литературных достопамятностей, создавший в 1894 году свой театральный музей в Москве, жертвовал его Императорской Академии наук. Но дома – черновая тетрадь, перо...

«С Нового года я очень одушевлен своей Евангельской драмой, – пишет К. Р., – и она не выходит у меня из головы... Вечером в Павловске до поздней ночи с жаром и увлечением писал монолог Никодима, в котором переложил стихами слова Спасителя из третьей главы Евангелия от Иоанна». 15-го в Мраморном дворце: «Так хочется справиться со своей драмой, чтобы она была и порядочным художественным произведением, и в то же время сценической пьесой, т. е. смотрелась без скуки. Не имея опыта, руководствуюсь знатоком сцены Ростаном⁷, стараюсь приноровиться к «Принцессе Грёзе», конечно же не в содержании, а в чередовании выходов действующих лиц и в продолжительности речей».

14 февраля К. Р. был назначен на новую должность, нарочно придуманную для него, – Генерал-инспектора Военно-учебных заведений. «В назначении меня Генерал-инспектором, – писал К. Р. сестре Ольге Константиновне, – не только нет каверзы, но, напротив, оно состоялось по моему почину. Еще в сентябре пришло в голову, что хорошо бы мне создать для себя такую должность: от меня отпадут приемы, ответственность за хозяйственные распоряжения, доклады, мешающие часто посещать заведения, даже петербургские, и мелкие текущие дела, а связь с училищами и корпусами останется. К тому же до сих пор, если я вводил что новое, то сам же и контролировал это, а контролировать лучше со стороны. Эта мысль понравилась: выработали новое положение, и вот назначение состоялось. Я доволен новым своим положением, но еще не сдал прежних обязанностей начальнику Главного управления, назначенному на эту должность генералу Забелину».

9 марта: «Вчера в последний раз принимал в Главном управлении. Свой кабинет переносу в Мраморный».

В мае К. Р. был назначен представителем Государя Императора на церковных торжествах перенесения мощей св. Ефросинии, княжны Полоцкой, из Киева в Полоцк, в осн. в ванной

⁷ Эдмон Ростан (1868–1918) – французский поэт, драматург.

ею Спасский монастырь. 16 мая в Полоцк прибыли Князя Олег и Игорь Константиновичи со своим воспитателем полковником Ермолинским и остановились в квартире директора кадетского корпуса. На другой день приехал К. Р. 19 мая Князь Олег сдавал экзамен, – он окончил учение в корпусе и мечтал после этого поступить еще в Петербургский Александровский Лицей, в котором некогда учился Пушкин, любимый писатель Олега. 20 мая в корпусе происходило открытие бюста героя осады Порт-Артура Романа Исидоровича Кондратенко, генерал-адъютанта, руководившего обороной крепости и убитого осколком японского снаряда в 1904 году. На этом торжестве присутствовала Королева эллинов Ольга Константиновна, тетка Князя Олега.

20 мая, в жаркий день, за городом, неподалеку от железной дороги, в палатке, Великая Княгиня Елисавета Феодоровна, Королева Ольга Константиновна, К. Р. и Киевский митрополит Флавиан ожидали появления крестного хода с мощами святой. «Мы прождали с полчаса, – писал К. Р. – Из пролета под насыпью железной дороги показалось шествие, развевались хоругви, блестели кресты и образа, слышалось пение: несли святые мощи. И вот жители Полоцка встретили останки своей княжны, отсутствовавшей более семи веков. Картина была торжественная и умирительная. По отслужении молебна на месте встречи крестный ход двинулся в Полоцк... Большие толпы народа, множество богомольцев, но везде образцовый порядок, ни толкотни, ни давки... Мощи внесли в соседний с корпусом, когда-то корпусной, а теперь городской Николаевский собор, и началась всенощная. Все время шло поклонение мощам. Богослужение было очень продолжительное».

22 мая: «К 4 часам в соборе все было готово к перенесению мощей в Спасо-Евфросиниевский женский монастырь. Прибыли в собор Элла, Оля и я с Игорем. Олег был в строю с кадетами. Помогал выносить мощи из собора, а далее шел за ними между Олей и Эллой... Близ часовни монастырем были устроены украшенные зеленью ворота с надписью: «Гряди, радость наша, преподобная мати Евфросиния». Тут и Оля, и Элла, и Игорь, и я тоже понесли раку, и так до внесения ее в монастырь и в церковь. Когда вносили в церковь, одна большая женщина легла на пол и мощи пронесли над нею. Говорят, она исцелилась».

23 мая: «Памяти преподобной Евфросинии. В 11 Оля за мною заехала и повезла меня в монастырь к обедне. По ее окончании мощи обнесли вокруг церкви и наконец водворили в Преображенском храме, выстроенном и обитаемом преподобною более 7 веков назад. Все были растроганы».

В июле, во время инспекционной поездки, К. Р. был в Москве. Побывал в Марфо-Мариинской обители у Великой Княгини Елисаветы Феодоровны. «Она приняла меня очень ласково, – пишет К. Р. 15-го. – От нее веет святостью без тени ханжества, столько простоты и искренности». К. Р. любовался видом Москвы с балкона ресторана Крынкина на Воробьевых горах. «Только мы там сели пить чай, как на хорах хор певчих в русских боярских кафтанях затянул песню на мои слова «Умер, бедняга...». Я не знал, что они поются. Пригласили управляющего хором, некоего Григория Николаевича, который меня узнал; он знал также, что «Умер...» – мои стихи». В Москве К. Р. узнал, что в Художественном театре Станиславского со 2-го августа начнутся репетиции «Гамлета» в его переводе. В главной роли будет выступать актер В. И. Качалов (Шверубович).

Из Москвы К. Р. 17 июля поехал в Осташево. Когда подъезжал к имению, то из леса навстречу ему появилась кавалькада, – это были Татьяна, Костя, Олег, Игорь, Георгий и два молодых конюха. До конца августа К. Р. трудился за письменным столом, отходя от него для прогулки одному или с семьей. Он готовил к своему переводу гетевской «Ифигении в Тавриде» вступительную статью, которая выросла в довольно внушительную и богатую фактами и мыслями работу, включающую следующие главы: Источники; Литературные влияния; «Гётц» и «Вертер»; Знакомство с герцогом Карлом-Августом; Приезд в Веймар; Веймарский двор; Первые годы Гете в Веймаре. Шарлотта фон Штейн; Театр в Веймаре; «Ифигения в Тавриде»

в первоначальных обработках; Путешествие в Италию и последняя обработка «Ифигении»; Критика.

К. Р. пишет, что «Гете модернизировал миф об Ифигении... Его Ифигения во всех отношениях выше греческой жрицы, – она не более не менее как христианская девушка высокого, благородного, нежного, любящего сердца». Кроме того, К. Р. готовил обширные примечания как к «Ифигении в Тавриде», так и для своего исправленного перевода трагедии Шиллера «Мессинская невеста, или Братья-враги».

«Предисловие подвинулось, – пишет К. Р. 31 июля, – о мифе об Ифигении и о том, как им пользовались трагики Древней Греции, а потом итальянские, французские и немецкие, уже готово. От этих источников перешел к самому Гете. Описание его наружности взял из Льюиса. Теперь надо будет сказать о произведениях, прославивших его имя до 1775 года, т. е. о Гётце фон Берлихингене и о Вертере. Далее пойдет краткий очерк Веймарского общества».

В августе 1910 года написал К. Р. уже упоминавшуюся нами элегию «Осташево». Это на первый взгляд традиционно и непритязательно, а на самом деле с тонким чувством красоты и меры написанная картина природы, развертывающаяся панорама ее. Она питает душу спокойствием и миром, как и должно питать душу православного поэта Божье творение. Строки семи октав, составляющих элегию, разворачиваются медленно, открывая новые и новые виды:

... Старинный дом над тихой рекой
И бело-розовый, в ней отраженный
Напротив сельский храм над крутизной.
Сад незатейливый, но благовонный,
Над цветом липы пчел гудящий рой;
И перед домом луг с двумя прудами,
И островки с густыми тополями...

Работал К. Р. не только за письменным столом, он умел обдумывать стихи и во время прогулок. «Пошел в наш парк, – пишет он, – и тут мне удалась вторая октава новой элегии»; «Катаюсь более 2-х часов на байдарке, в уме исправлял готовую элегию»... То же происходило и в дальних походах, как, например, 21 августа, когда К. Р. с сыновьями поехали верхом, – конюх Чернышев показывал дорогу. Они хотели проехать к устью Рузы, впадающей в Москву-реку. «Погода была прекрасная, местность живописная, – пишет К. Р. – Поехали на Синюхово, Солодово, Шульгино, Курово, погост Лужки, откуда идет каменная дорога через Демитково, Ленково, Ракитино до самого уездного городишки Рузы. Там свернули с большой дороги на Старую Рузу вправо и ехали через деревни Теряево, Лебехино, Городилово и Воробьево. Переправились вброд через Рузу на ее правый берег у Окулова, в какой-нибудь версте от устья. На левом берегу Москвы-реки поели провизию, взятую с собою у деревни Тимофеевки. Назад ехали другой дорогой, правым берегом Рузы, но далеко от реки, деревнями Бараново, Ново-Николаево, Тишино, Жолобово, Никулькино. Через реку на наш берег перебрались у Толбухина. Выехали в 9 утра, вернулись в 7 вечера. Сделали около 90 верст».

В Павловск возвратились 31 августа. В сентябре и октябре снова разъезды по городам. С 28 октября до 3 ноября – в Москве, в декабре – в Полоцке и Киеве.

29 ноября К. Р. пишет: «Побывал у вдовы покойного вице-президента Академии наук, Леонида Николаевича Майкова, Александры Алексеевны, рожденной Трескиной. Она с незамужней пожилой сестрой Ольгой Алексеевны живет уже не на Васильевском о-ве, а на Мал. Мастерской, 3. Давно не был у нее. Но мы переписывались. И теперь поехал к ней, чтобы просить подобно тому, как было при печатании «Гамлета» и последнего издания моих стихотворений, и впредь прочитывать корректуры будущего 4-го выпуска. Алфавитный указатель имен и библиографический для «Гамлета» она взяла на себя. Я спросил, не может ли она указать мне

лицо, которому можно было бы поручить составление таких же указателей и к «Ифигении». Александра Алексеевна вызвалась сама это сделать».

Дети становились все старше. 20 декабря 1910 года исполнилось 20 лет Князю Константину Константиновичу младшему, одному из будущих святых новомучеников. «Дожили до совершеннолетия нашего Кости, – пишет в этот день К. Р. – Поутру он приехал из города и вошел ко мне, держа за руку свою крестницу и любимицу Веру. Перед молебном дали ему подарки. На столе в нашей маленькой столовой, в окне красовался сладкий пирог с воткнутыми в него 20-ю восковыми свечами и 21-й свечой жизни. Поздравлять его съехалось человек 60. Это были все домашние, служащие и служившие, несколько измайловцев. Мы – семья – были в обыкновенной форме. Митя оказал особое внимание и оделся в измайловский мундир. В церкви соборно служили молебен архимандриты Михаил и Макарий, оба здешние священники, и иеромонах Сергей».

После Рождественских праздников К. Р. принял решение составить духовное завещание. «Лишь после этого, – пишет он 26 декабря, – можно будет отдаться исправлению «Мессинской невесты» и переводу «Макбета»».

И вот конец года. 30 декабря: «Утром ходил дважды гулять, перед кофе и завтраком. Маленький мороз, туман, шел снег немного. В кармане была у меня с собой бумажка со списанным стихотворением Мюссе, и я продолжал переводить. На второй прогулке встретился в Старой Сильвии с женой, и она, заметив, что я сочиняю, оставила меня продолжать прогулку одному. После завтрака записал перевод, уже законченный и, как мне кажется, удачный. 1910 год был благоприятен для моего творчества: в январе написал одно стихотворение, в феврале – два, в марте – одно, в мае – одно, в июне – одно, в августе – одно, в октябре – одно и в декабре – два, итого за весь год десять стихотворений. Такого обилия давно не бывало. Думаю, что приписать это надо значительному сокращению бумаг благодаря переименованию меня в Генерал-инспектора».

Осташево

Люблю тебя, приют уединенный!
Старинный дом над тихою рекой
И бело-розовый, в ней отраженный
Напротив сельский храм над крутизной.
Сад незатейливый, но благовонный,
Над цветом липы пчел гудящий рой;
И перед домом луг с двумя прудами,
И островки с густыми тополями.

Люблю забраться в лес, поглубже в тень;
Там, после солнцем залитого сада,
Засушным летом, в яркий знойный день
И тишина, и сумрак, и прохлада...
Люблю присесть на мхом обросший пенек:
Среди зеленой тьмы что за отрада,
Когда в глаза сверкнет из-за дерев
Река, зеркальной гладью заблестев!

Под ельника мохнатыми ветвями
Таинственный, суровый полумрак.

Ковер опавшей хвои под ногами;
Она мягка и заглушает шаг.
А дальше манит белыми стволами
К себе веселый, светлый березняк
С кудрявою, сквозистою листвою
И сочною, росистою травою.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.